

Ребенок Розмари

Автор:

[Айра Левин](#)

Ребенок Розмари

Айра Левин

Вселенная Стивена Кинга

В жизни Розмари Вудхаус все складывалось самым прекрасным образом: они с мужем Ги сняли чудесную просторную квартиру в старинном доме, где познакомились с милыми соседями – пожилой четой Кастивет. После этого дела у Ги резко пошли в гору, посыпались предложения ролей, но вместе с тем начались странности: приемная дочка Кастиветов выбрасывается из окна, актер-конкурент Ги слепнет, а старый друг семьи Хатч внезапно впадает в кому.

Когда исполняется и заветная мечта – Розмари узнает, что беременна, – она с ужасом понимает, что подарки судьбы – вовсе не благоприятное стечение обстоятельств, а настоящий сатанинский заговор. Теперь у нее одна задача: спасти себя и будущего ребенка от слуг дьявола, мечтающих о воцарении Антихриста...

Айра Левин

Ребенок Розмари

Закончено в августе 1966 года в Уилтоне, штат Коннектикут, и посвящается Габриэлле

Ira Levin

ROSEMARY'S BABY

© Ira Levin, 1967, renewed 1995

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Часть первая

Глава первая

Розмари и Ги Вудхаус уже подписали договор об аренде пятикомнатной квартиры в белом блочном доме на Первой авеню, когда им позвонила миссис Кортес и сообщила, что освободилась четырехкомнатная квартира в Брэмфорде. В старом огромном черном доме Брэмфорд квартиры были с высокими потолками и славились своими каминами и викторианскими украшениями. Розмари и Ги стояли в списке ожидающих со дня свадьбы, и в конце концов почти потеряли надежду.

Ги сообщил новость Розмари, прижав телефонную трубку к груди.

– Не может быть! – простонала Розмари. Она чуть не расплакалась.

– Слишком поздно, – сказал Ги в телефон. – Мы вчера подписали договор.

Розмари схватила его за руку.

– А нельзя от него отказаться? – спросила она. – Придумать что-нибудь?

– Подождите, пожалуйста, минуточку, миссис Кортес. – Ги снова закрыл телефонную трубку. – Что им сказать?

Розмари запуталась в словах и беспомощно развела руками.

- Не знаю... Может быть, правду - что у нас появилась возможность поселиться в Брэмфорде.

- Дорогая, им это не важно.

- Ну придумай что-нибудь, Ги. Давай просто посмотрим, ладно? Скажи ей, что мы приедем посмотреть. Пожалуйста. Пока она не повесила трубку.

- Но ведь мы подписали договор, Ро. Теперь у нас руки связаны...

- Пожалуйста! Она повесит трубку!

С мученическим выражением на лице Розмари оторвала трубку от его груди и прижала ему к уху. Ги засмеялся и не стал противиться.

- Миссис Кортес? По-моему, у нас появилась возможность въехать в другой дом, однако то, что мы там подписали, был не договор. У них кончились бланки, и мы подписали одно только соглашение... Можно нам посмотреть квартиру?

Миссис Кортес дала инструкции. Нужно было подойти в Брэмфорд в одиннадцать или в полдвенадцатого, отыскать там мистера Микласа или Джерома и сказать, что их прислали посмотреть квартиру 7Е. После этого следовало позвонить ей, номер она оставила.

- Видишь, как у тебя хорошо получается, - сказала Розмари, надевая желтые туфли. - Ты прирожденный обманщик.

Стоя у зеркала, Ги воскликнул:

- Боже мой, прыщ!

- Не дави его.

- Но там же только четыре комнаты, ты знаешь? Без детской.

– Лучше жить в четырех комнатах в Брэмфорде. – ответила Розмари, – чем иметь целый этаж в этом... в этом белом скопище клетушек.

– А вчера ты была влюблена в этот дом.

– Да, он мне нравился, но я не любила его по-настоящему. По-моему, даже сам архитектор его не любил. Мы будем обедать в гостиной и сделаем из столовой прекрасную детскую комнату, когда это станет необходимо.

– Наверное, это произойдет очень скоро, – сказал Ги.

Он водил взад-вперед электрической бритвой над верхней губой и рассматривал свои глаза. Глаза у Ги были огромные и карие. Розмари надела желтое платье и ловко застегнула молнию на спине.

До сих пор они ютились в одной комнате, которая представляла собой холостяцкое жилище Ги. На стенах висели плакаты с видами Парижа и Вероны, а из вещей здесь были лишь большая кровать да крохотная кухня в нише стены.

Было третье августа, вторник.

Мистер Миклас оказался маленьким и энергичным человеком. На обеих руках у него недоставало пальцев, и от этого вид его трясущихся рук приводил в замешательство всех, но только не его самого.

– О, так вы актер! – воскликнул мистер Миклас, вызывая лифт средним пальцем. – У нас здесь очень много актеров. – Он назвал четверых, живущих в Брэмфорде, и все они оказались известными.

– Я вас мог где-нибудь видеть?

– Давайте подумаем, – начал Ги. – Недавно я играл Гамлета, правда, Лиз? Потом...

– Он шутит, – перебила его Розмари. – Он играл в «Лютере» и «Никто не любит альбатроса», и еще во многих телеспектаклях и рекламных роликах.

– Вот где можно хорошо заработать, да? – сказал мистер Миклас. – В телерекламе.

– Да, – ответила Розмари, а Ги добавил: – Только там чувствуешь себя настоящим актером.

Розмари умоляюще посмотрела на него, но Ги ответил ей самым невинным взглядом, а затем изобразил вампира прямо за спиной мистера Микласа.

Лифт был обит дубовыми панелями, весь в медных заклепках, со множеством ручек и поручней. Управлял им негритенок с застывшей улыбкой и в униформе.

– Седьмой, – сказал ему мистер Миклас и обратился к Розмари и Ги: – В этой квартире четыре комнаты, две ванны и пять встроенных шкафов. Раньше в доме были очень большие квартиры – в самой маленькой было девять комнат, – а теперь почти все они разбиты на четырех-, пяти- и шестикомнатные. Квартира 7Е раньше составляла заднюю часть десятикомнатной. Там осталась бывшая кухня и главная ванная комната – они громадны, вы скоро увидите. Бывшая спальня сейчас служит гостиной, еще одна спальня так и осталась спальней, а две комнаты для прислуги спарены в одну столовую или вторую спальню. У вас есть дети?

– Скоро будут, – сказала Розмари.

– Это идеальная комната для ребенка, рядом большая ванная и встроенный шкаф. Вся квартира предназначена как раз для молодой пары с ребенком.

Лифт остановился, и негритенок, улыбаясь, прогнал его немного вниз, затем вверх и снова вниз, чтобы поточней выровнять кабину с наружным полом. Потом, все так же улыбаясь, открыл внутреннюю медную дверь и внешнюю, которая распахивалась вбок. Мистер Миклас посторонился, и Розмари и Ги вышли в тускло освещенный коридор, где и стены, и ковры были темно-зеленого цвета, возле зеленой двери, украшенной скульптурами и имевшей табличку 7Б, стоял рабочий. Он быстро взглянул на них и снова занялся глазком, который пытался вставить в вырезанное отверстие.

Мистер Миклас повел их направо, потом налево по коротким переходам темного зеленого коридора. Следуя за ним, Розмари и Ги заметили вытертые места на

обоях, перегоревшую лампочку под стеклянным колпаком и даже бледно-зеленую заплатку на темном ковре.

Ги удивленно посмотрел на Розмари.

– Залатанный ковер?

Она отвернулась и улыбнулась.

– Мне здесь нравится абсолютно все!

– Предыдущая хозяйка, миссис Гардиния, – сказал мистер Миклас, не оборачиваясь, – умерла всего несколько дней назад, и вещи из квартиры еще не увезли. Ее сын просил передать всем, кто будет смотреть квартиру, что ковры, кондиционеры и кое-что из мебели продается.

Мистер Миклас завернул в следующий проход, где стены только недавно были оклеены зелеными обоями с золотыми полосами.

– Она умерла в квартире? – спросила Розмари. – Конечно, это не...

– Нет-нет, в больнице. Она находилась несколько дней в состоянии комы. Это была очень старая женщина. Она умерла, так и не придя в себя. Я бы и сам хотел так умереть, когда настанет мое время. Но миссис Гардиния до конца держалась молодцом: сама готовила себе еду, ходила по магазинам... Она была одной из первых женщин-адвокатов в штате Нью-Йорк.

Коридор заканчивался лестницей. Рядом с ней, по левую сторону, располагалась дверь квартиры 7Е. Дверь была без скульптур и меньше тех, мимо которых они проходили. Мистер Миклас нажал на перламутровую кнопку звонка – над ней белыми буквами по черному пластику было выбито «Л. Гардиния» – и повернул ключ в замке. Несмотря на недостающие пальцы, он очень ловко справился с ручкой и распахнул дверь.

– Только после вас. – Стоя на цыпочках, он весь подался вперед и открыл для них дверь пошире, на всю длину вытянутой руки.

Узкий центральный коридор, начинавшийся от двери, делил квартиру пополам – по две комнаты с каждой стороны. Первая комната направо – кухня, и при виде ее Розмари хихикнула: она была такая же, если не больше, чем вся их нынешняя квартира. В кухне стояла плита с шестью газовыми конфорками и двумя духовками, огромный холодильник и раковина. Тут были десятки ящиков, окно, выходящее на Седьмую авеню, и высокий, очень высокий потолок, и даже хватало места для углового дивана – синего, со вставками из слоновой кости, – фотографию, которого она вырезала из последнего номера журнала «Красивый дом»; если мысленно убрать желтый стол со стульями, принадлежавший миссис Гардинии, а также связанные пачки подписок «Фортуны» и «Музыкальной Америки», то как раз освободится необходимая площадь.

Напротив кухни – столовая, бывшая вторая спальня, которую миссис Гардиния, очевидно, использовала одновременно как кабинет и оранжерею. Сотни различных растений, завядших и увядающих, стояли на полках, выстроенных на скорую руку, под незажженными лампами дневного света. В середине комнаты находился письменный стол – старомодное бюро с крышкой на роликах, – заваленный разными бумагами и книгами. Это был очень красивый стол, широкий и, вероятно, очень дорогой. Розмари оставила Ги разговаривать с мистером Микласом у двери, а сама подошла поближе, перешагнув через ящик с сухими коричневыми листьями. Такие столы выставлялись обычно в витринах антикварных магазинов. Потрогав его, Розмари подумала: хорошо, если этот стол есть в списке вещей, предназначенных для продажи. На столе лежал лист розовой бумаги, на котором синими чернилами очень красиво было выведено следующее: «Я думала, что это не более чем интересное времяпрепровождение. Теперь я не могу больше считать себя...» – и тут она почувствовала, что сует нос не в свое дело. В этот момент мистер Миклас поднял голову.

– А этот стол сын миссис Гардинии будет продавать? – деловито осведомилась Розмари.

– Я не в курсе, – ответил мистер Миклас. – Но специально для вас могу узнать.

– Он очень красивый, – сказал Ги.

– Тебе он тоже понравился? – Розмари, улыбнувшись, принялась рассматривать стены и окна. Эту комнату она представляла себе идеальной детской. Она была немного темновата, так как окна выходили в маленький дворик, но бело-желтые обои, конечно же, сделают ее значительно светлее. Ванная была маленькой, но

рядом находился еще огромный стенной шкаф и ниша с цветами, которые ей тоже очень понравились.

Наконец она повернулась к двери, и Ги спросил:

– А что это за растения?

– В основном – травы, – объяснила Розмари. – Вот это мята, это базилик, а это... сама не знаю что.

Дальше по коридору, по левую сторону, они увидели шкаф для одежды гостей, а по правую руку – широкую арку, за которой была гостиная. Большие окна с широкими подоконниками располагались друг против друга. Камин, с мраморными резными украшениями, был у правой стены, а слева высились дубовые книжные полки.

– О, Ги, – вздохнула Розмари, отыскала его руку и сжала ее.

– М-м-м, – неопределенно промычал Ги, но на ласку ответил.

Мистер Миклас стоял рядом с ними.

– Камин, разумеется, работает, – сообщил мистер Миклас.

Спальня находилась сзади и была такая же большая – примерно двенадцать на восемнадцать футов – и окнами выходила на тот же дворик, что и столовая (или вторая спальня, или детская). Рядом с гостиной – огромная ванная комната, отделанная белой пластмассой и медными ручками.

– Какая чудесная квартира! – воскликнула Розмари, когда они вернулись в гостиную. Она раскинула руки и закружилась, будто хотела обнять все комнаты разом. – Мне здесь очень нравится!

– На самом деле она пытается заставить вас снизить плату, – шутливо пояснил Ги. Мистер Миклас улыбнулся.

– Мы бы ее еще подняли, если бы нам разрешили. Ведь такие неповторимые и очаровательные квартиры сейчас исключительная редкость. Новые... – Тут он запнулся и уставился на секретер из красного дерева, стоящий в самом конце коридора. – Странно... – удивленно начал он. – За этим секретером есть стенной шкаф. Я просто уверен. Их всего пять: два в спальне, один во второй спальне, и два в коридоре – здесь и вон там.

Он подошел к секретеру.

Ги встал на цыпочки.

– А вы правы. Я вижу дверь.

– Его передвинули, – сказала Розмари. – Он раньше стоял вон там.

Она указала на призрачный силуэт, оставшийся на обоях после секретера. На красном ковре просматривались четыре глубоких следа от ножек. Тоненькие полоски, извиваясь, пролегли от этих вмятин к ножкам секретера через всю комнату туда, где он находился сейчас.

– Помогите мне, пожалуйста, – попросил мистер Миклас, обращаясь к Ги.

Понемногу они водворили секретер на прежнее место.

– Теперь понятно, отчего у нее наступила кома, – произнес Ги, толкая секретер.

– Она не смогла бы передвинуть его сама, – сказал мистер Миклас. – Ей было восемьдесят девять лет.

Розмари подозрительно взглянула на представшую перед ними дверь.

– Посмотрим, что там внутри? – спросила она. – Или лучше пусть откроет ее сын?

Секретер легко встал на прежнее место. Мистер Миклас начал массировать свои покалеченные руки.

– Я уполномочен показать квартиру целиком, – произнес он, а потом подошел к двери и распахнул ее.

Шкаф оказался почти пустым, там стоял только пылесос и лежали три или четыре деревянные доски. Верхняя полка была забита синими и зелеными полотенцами.

– Если она запирала здесь призрака, то он вышел на свободу, – сострил Ги.

Мистер Миклас заметил:

– Наверное, ей не нужны были пять шкафов. – Но зачем ей понадобилось запирать пылесос и полотенца? – удивилась Розмари. Мистер Миклас пожал плечами.

– Мы этого уже никогда не узнаем. Может быть, она начала терять рассудок от старости. – Он улыбнулся. – Чем могу еще быть полезен?

– А как у вас тут насчет стирки? – поинтересовалась Розмари. – Стиральные машины в подвале есть?

Поблагодарив мистера Микласа, который проводил их до подъезда, они медленно побрели по Седьмой авеню.

– Эта квартира немного дешевле, – сказала Розмари, будто она только и думала, что о практической стороне дела.

– Но, милая, здесь на одну комнату меньше, – ответил Ги.

Розмари некоторое время шла молча, а потом добавила:

– Зато она расположена в хорошем районе.

– Это точно, – согласился Ги. – Отсюда можно пешком дойти до любого театра.

Расчувствовавшись, Розмари забыла про свою практичность.

– Ги, давай согласимся! Пожалуйста! Ну пожалуйста! Такая чудеснейшая квартира! Миссис Гардиния ею просто не занималась! Эту гостиную можно сделать... можно сделать такой красивой и уютной, и еще... ну, Ги, давай согласимся, ладно?

– Ну, разумеется, – ответил Ги, – если сумеем отвертеться от первой.

Розмари быстро схватила его за локоть.

– Сумеем! Ты что-нибудь придумаешь, я знаю, у тебя выйдет.

Ги позвонил из телефонной будки миссис Кортес, а Розмари стояла рядом и пыталась по губам догадаться, о чем он говорит. Миссис Кортес дала им срок до трех часов. Если до этого времени они не подтвердят свое решение, то она предложит квартиру следующим из списка очередников. Они зашли в русскую чайную и заказали «кровоавую Мэри» и жареного цыпленка с зеленью и черным хлебом.

– Скажи, что я заболела и должна лечь в больницу, – предложила Розмари.

Но это звучало неубедительно и казалось не слишком серьезным поводом для отказа от квартиры. Вместо этого Ги придумал целую историю о том, что его пригласили играть в пьесе «Хвастун» и он должен отправиться вместе со всей труппой во Вьетнам и Корею. Актер, занятый в роли Алана, сломал бедро, и если Ги не сможет его заменить (а Ги случайно знает эту роль наизусть), то турне придется отложить по крайней мере на две недели. А это будет позором: в то время, как наши славные ребята сражаются с погаными коммунистами и умирают... Жена же его в это время переедет к своим родственникам в Омаху...

Он повторил легенду дважды и отправился искать телефон.

Медленно потягивая напиток, Розмари под столом скрестила пальцы левой руки наудачу. Она думала о квартире на Первой авеню, которая ей не нравилась, и мысленно перебирала все ее преимущества: новая светлая кухня, машина для мытья посуды, окна на речку, центральное кондиционирование.

Официантка принесла цыпленка и хлеб.

Мимо прошла беременная женщина в ярко-синем платье. Розмари внимательно посмотрела на нее. Женщина была уже на шестом или седьмом месяце. Она весело переговаривалась через плечо с пожилой дамой, нагруженной свертками, очевидно, со своей матерью.

Кто-то помахал Розмари из противоположного угла. Она увидела рыжую девушку, которая пришла работать на радиостанцию незадолго до того, как Розмари уволилась. Розмари ответила ей. Девушка что-то сказала, выразительно вытягивая губы, но так как Розмари не поняла, та повторила еще раз. Мужчина, стоявший рядом с девушкой, оглянулся на Розмари. У него было худое бледное лицо.

И вот появился Ги, высокий и красивый. Он пытался скрыть улыбку, но удача сквозила в каждом его движении.

– Да? – спросила Розмари, как только он сел.

– Да! – выдохнул он. – Соглашение ликвидировали, вступительный взнос нам вернут. Миссис Кортес ждет нас в два часа.

– Ты ей позвонил?

– Да.

Рыжая девушка подошла к ним. Она покраснелась, глаза ее сияли.

– Я всегда знала, что вы будете прекрасной парой, – сказала она. – Вы выглядите просто замечательно.

Розмари, пытаясь вспомнить ее имя, засмеялась.

– Спасибо. У нас сейчас праздник. Мы только что получили квартиру в Брэмфорде!

– В Брэме? – изумилась девушка. – Я схожу по нему с ума! Если когда-нибудь вы будете оттуда съезжать, то я первая на очереди, и не забудьте об этом! Я мечтаю об этих ужасных горгульях и прочих кошмарах, сползающих прямо с

ОКОН.

Глава вторая

Как ни странно, Хатч попытался убедить их не переезжать в Брэмфорд, который, по его словам, был «опасной зоной».

Когда Розмари впервые оказалась в Нью-Йорке в июне 1962 года, она поселилась в квартире на Лексингтон-авеню с подругой из Омахи и еще двумя девушками из Атланты. Хатч был их соседом, и хотя он всячески отпирался от роли названного отца всем четверым («уже, слава Богу, вырастил своих двоих, и хватит с меня»), тем не менее только он приходил на помощь в самые ответственные моменты. Например, когда начался пожар и Дженни чуть не задохнулась в дыму. Звали его Эдвард Хатчинс, был он англичанином пятидесяти четырех лет и под тремя разными псевдонимами написал три приключенческих романа для детей.

Для Розмари он стал не только другом, но и духовным наставником. В ее семье было шестеро детей, из которых Розмари – самая младшая; остальные уже женились или вышли замуж, и поселились рядом с родителями. В Омахе Розмари оставила сердитого, вечно что-то подозревающего отца, молчаливую мать и возмущенных ее поведением братьев и сестер. (Только второй по старшинству брат, Брайан, который изрядно выпивал, сказал: «Валяй, Розы, делай все, что взбредет тебе в голову», – и незаметно передал ей пакет, в который вложил восемьдесят пять долларов.) В Нью-Йорке Розмари сразу почувствовала себя виноватой и эгоистичной, и именно Хатч «встряхнул» ее при помощи крепкого чая и разговоров о родителях, детях и чувстве долга перед самим собой. Она задавала ему даже такие вопросы, которые никогда бы не осмелилась произнести в церкви. Хатч направил ее в университет прослушать вечерний курс по философии. «Я сделаю герцогиню из этой цветочницы», – сказал он тогда, и Розмари довольно остроумно ответила ему: «Валяйте!»

Теперь раз в месяц Розмари и Ги обедали с Хатчем либо у них дома, либо, когда наступала его очередь приглашать, в ресторане. Ги считал, что Хатч – довольно скучный человек, но старался быть с ним на дружеской ноге: ведь помимо всего прочего его бывшая жена была двоюродной сестрой писателя-драматурга Раттигана, с которым Хатч и сам переписывался. А Ги знал, что такие

родственные связи иногда играют решающую роль в карьере актеров.

В четверг, после осмотра квартиры, Розмари и Ги пообедали с Хатчем «У Клубе» – в небольшом немецком ресторанчике на Двадцать третьей улице. Миссис Кортес попросила их достать три рекомендации, и Хатч оказался одним из рекомендуемых. Он уже получил от миссис Кортес письмо-запрос и успел ответить на него.

– Меня так и подмывало написать, что вы наркоманы или любите копаться в помойках, – сказал он, – или что-нибудь подобное, что приводит в ужас владельцев домов.

Они спросили почему.

– Не знаю, – задумчиво произнес он, намазывая маслом булочку, – но в начале века у Брэмфорда была плохая репутация. – Он посмотрел на них и, поняв, что они ничего об этом не знают, продолжил (у него было широкое светлое лицо, выразительные голубые глаза и жидкие черные волосы, зачесанные наискосок поверх проплешины): – Кроме Айседоры Дункан и Теодора Драйзера, в Брэмфорде жила еще целая плеяда менее симпатичных людей. Именно там сестры Тренч проводили свои невинные диетические опыты, а Кит Кеннеди собирал, так сказать, вечеринки. Там же жили Адриан Маркато и Перл Эймс.

– А кто такие сестры Тренч? – спросил Ги, а Розмари добавила: – И кто был этот Адриан Маркато?

– Сестры Тренч, – ответил Хатч, – это две чисто викторианские дамочки, которые временами занимались каннибализмом. Они сварили и съели несколько детей, в том числе и свою племянницу.

– Прелестно, – только и смог вымолвить Ги.

Хатч повернулся к Розмари.

– Адриан же Маркато занимался колдовством. И в девяностых годах прошлого столетия произвел сенсацию – он заявил, что ему удалось вызвать живого сатану. В качестве доказательства он выставял напоказ клок шерсти и обрезки

когтей, и люди, очевидно, поверив ему, потом напали на него и чуть не убили прямо в вестибюле Брэмфорда.

- Вы шутите, - прошептала Розмари.

- Нет, все это вполне серьезно: через несколько лет началось знаменитое дело Кита Кеннеди, и к двадцатым годам дом наполовину опустел.

- Я слышал про Кита Кеннеди и Перл Эймс, но не знал, что там жил еще и Адриан Маркато, - сказал Ги.

- И эти сестры... - Розмари передернуло.

- Только из-за Второй мировой войны и нехватки жилья, - продолжал Хатч, - в дом снова начали вселяться жильцы, и постепенно он вернул себе былой престиж, а в двадцатые годы его называли «Черный Брэмфорд», и разумные люди старались держаться от него подальше. А дыня у нас для дамы, да, Розмари?

Официант расставил закуски. Розмари вопросительно посмотрела на Ги, тот нахмурил брови и неопределенно потряс головой.

- Ерунда, пусть это тебя не пугает.

Официант ушел.

- На протяжении многих лет, - рассказывал Хатч, - в Брэмфорде происходили ужасные события. И, к сожалению, не все они относятся к далекому прошлому. В 1959 году, например, в подвале нашли мертвого младенца, завернутого в газеты.

- Но ведь ужасные вещи происходят время от времени и в других домах, - заметила Розмари.

- Время от времени, - согласился Хатч. - Но дело в том, что в Брэмфорде это случается куда чаще, чем «время от времени». Есть и еще кое-какие несоответствия. Там, например, произошло значительно больше самоубийств,

чем в других жилых домах такого же размера.

– В чем же дело, Хатч? – спросил Ги, притворяясь очень серьезным и озабоченным. – Должно же быть какое-то объяснение.

Хатч несколько секунд молча смотрел на него.

– Не знаю, – проговорил он. – Может быть, дурная слава сестер Тренч привлекла туда Адриана Маркато, а его слава, в свою очередь, – Кита Кеннеди, и постепенно дом стал... вроде как местом обитания таких людей, которые склонны к разным извращениям. А может быть, существует нечто иное, чего мы пока не знаем, – магнитные поля, или какие-то электроны, или что-нибудь подобное, и место от этого становится зловещим. Но вот что я знаю наверняка: Брэмфорд в этом отношении не уникален. В Лондоне на Прэд-стрит был дом, в котором в течение шестидесяти лет произошло пять жестоких убийств. Ни одно из них не было связано с другим – ни убийцы, ни жертвы, ни мотивы преступлений. И тем не менее, все это было реальностью. Дом представлял собой небольшое строение с магазином внизу и квартирами в верхних этажах. В 1954 году его снесли без особых на то причин, и это место пустует до сих пор.

Розмари рассеянно водила ложкой по дыне.

– Но, может быть, есть и хорошие дома, – предположила она. – Дома, в которых люди постоянно влюбляются, женятся, и у них рождаются дети.

– И где они становятся знаменитыми, – вставил Ги.

– Наверное, есть, – сказал Хатч. – Но только никто об этом не знает. Обычно ведь лишь плохое становится явным. – Он улыбнулся, глядя на Розмари и Ги. – Но все равно мне бы очень хотелось, чтобы вы подыскали себе другой дом, хороший, вместо этого Брэмфорда.

Розмари собиралась съесть кусочек дыни, но ее рука с ложкой застыла на полпути ко рту.

– Вы серьезно решили нас отговорить? – спросила она.

– Милая моя девочка, – ответил Хатч. – На сегодняшний вечер у меня было назначено свидание с очаровательной женщиной, но я его отменил только ради того, чтобы встретиться с вами и высказать свое мнение. Я в самом деле пытаюсь вас переубедить.

– Бог ты мой, но, Хатч... – начал было Ги.

– Я не утверждаю, – перебил Хатч, – что как только вы переедете в Брэмфорд, вам на голову свалится рояль, или вас съедят старые девы, или кто-нибудь обратит вас в камень. Я просто сообщаю факты, с которыми, по-моему, следует считаться так же, как с размером квартплаты или наличием камина: в доме происходило множество неприятных вещей. Зачем же сознательно входить в столь опасную зону? Можно ведь переехать в Дакоту или в Осборн, если уж вы так помешались на красотах девятнадцатого века.

– Дакота – кооперативный дом, – возразила Розмари, – а Осборн собираются сносить.

– Хатч, а вы, часом, не преувеличиваете? – спросил Ги. – Разве за последние годы там произошли какие-нибудь «ужасные события», не считая, конечно, того ребенка в подвале?

– Прошлой зимой там убили лифтера, – сказал Хатч, – при обстоятельствах, которые не принято обсуждать за столом. Я сегодня специально ходил в библиотеку, просматривал подборки статей из «Таймс» и три часа просидел за микрофильмами. Вы еще хотите послушать?

Розмари взглянула на Ги. Тот отложил вилку и вытер рот.

– Все это глупости! Даже если там и произошло много неприятных вещей, это вовсе не значит, что они будут продолжаться и дальше. Я не понимаю, чем Брэмфорд опаснее любого другого дома в городе. Можно бросать монетку и получить пять «решек» подряд, но из этого совсем не следует, что и следующие пять тоже будут «решки», или что моя монетка чем-то отличается от других. Это совпадение, вот и все.

– Если там что-то по-настоящему неладно, – поддержала мужа Розмари, – то его бы снесли. Как тот дом в Лондоне.

– Домом в Лондоне, – уточнил Хатч, – владела семья последней жертвы. А Брэмфордом владеет соседствующая церковь.

– Ну вот, – оживился Ги, прикуривая сигарету, – значит, у нас будет Божественное покровительство.

– Оно не всегда срабатывает, – хмуро возразил Хатч.

Официант унес пустые тарелки.

– Я и не знала, что домом владеет церковь, – сказала Розмари. Ги тут же добавил:

– По правде говоря, она владеет всем городом.

– А вы пробовали снять квартиру в Вайоминге? – осведомился Хатч. – Он ведь находится в том же районе, что и Брэмфорд, насколько я помню.

– Хатч, – взмолилась Розмари, – мы перепробовали все. И нигде ничего нет, абсолютно ничего, кроме новых домов, где все комнаты похожи одна на другую, а в лифтах установлены телекамеры.

– Неужели это так страшно? – спросил Хатч, улыбаясь.

– Да, – кивнула Розмари, а Ги пояснил:

– Мы чуть не въехали в такой дом, но потом удалось поменять на этот.

Хатч молча посмотрел на них, потом откинулся на спинку стула и хлопнул ладонями по столу.

– Все! Достаточно. Буду заниматься своими делами. Я должен был понять это с самого начала. Разводите себе на здоровье огонь в камине; я вам подарю дверной засов и с сегодняшнего дня буду держать рот на замке. Я настоящий идиот, простите меня.

Розмари улыбнулась.

– На двери уже есть один засов. И цепочка тоже есть, и глазок.

– Тогда пользуйтесь всем этим сразу, – посоветовал Хатч. – И не стоит шататься по коридорам и знакомиться со всеми подряд. Это вам не Айова.

– Не Омаха, – с улыбкой поправила Розмари.

Официант подал горячее.

На следующий день, в понедельник, Розмари и Ги подписали договор об аренде квартиры 7Е в Брэмфорде сроком на два года. Они дали миссис Кортес чек на пятьсот восемьдесят три доллара – месячную ренту и залог за месяц вперед. Им сказали, что переехать можно будет, даже не дожидаясь первого сентября, как только вывезут вещи в конце недели, а ремонт начнут делать в среду, восемнадцатого.

В этот же день им позвонил Мартин Гардиния, сын прежней хозяйки квартиры. Они договорились встретиться в Брэмфорде в восемь вечера во вторник. Это был высокий мужчина, веселый и открытый, лет шестидесяти. Он показал вещи, которые собирался продавать, и назвал свою цену. Все было довольно недорого. Розмари и Ги посоветовались и купили два кондиционера, трюмо из красного дерева с вышитым пуфиком, персидский ковер для гостиной, железные подставки для дров, каминный экран и кое-какие инструменты. К сожалению, письменный стол миссис Гардинии не продавался. Пока Ги выписывал чек и привязывал бирки к вещам, которые должны были остаться в квартире, Розмари принялась обмеривать гостиную и спальню шестифутовой складной линейкой, которую купила утром.

Еще в марте Ги дали роль в дневном телесериале «Другой мир», и теперь его герой должен был снова на три дня вернуться на экран, поэтому всю неделю Ги был занят на съемках. Розмари перебрала папку с фотографиями различных комнат, которые она собирала еще со школы, нашла две, подходящие для новой квартиры, и вместе с Джоан Джеллико, девушкой из Атланты, с которой она жила по соседству с Хатчем, впервые очутившись в Нью-Йорке, отправилась по магазинам. У Джоан было удостоверение дизайнера по интерьерам, и их пускали во все дома, предназначенные для продажи, а также на выставки мебели.

Розмари делала стенографические заметки и зарисовывала для Ги обстановку комнат. Потом, нагруженная всевозможными образцами обивки и обоев, побежала домой и как раз успела к началу очередной серии «Другого мира», дождалась выхода Ги, а затем пошла за продуктами к обеду. В этот день она опять пропустила занятия в кружке скульптуры и, к своему удовольствию, не успела посетить зубного врача.

В пятницу вечером квартира уже принадлежала им, встретив новых хозяев пустотой высоких потолков и непривычной темнотой, в которую они вступили с зажженным фонариком и магазинными пакетами, прислушиваясь к эху, несущемуся из дальних комнат. Они включили кондиционеры и отдались наслаждению красотой ковра, каминов и трюмо, долго восхищались кранами в ванной, дверными ручками, петлями, карнизами, полами, плитой, холодильником, подоконниками и видом из окон. Поужинав прямо на ковре бутербродами и пивом, продумали, что куда ставить, при этом Ги производил замеры, а Розмари рисовала. Потом, снова на ковре, закрыв тряпкой лампу, разделись и занимались любовью в ночном свете незашторенных окон.

- Ш-ш-ш! - громко шипел Ги, широко раскрыв глаза от притворного ужаса. - Я слышу, как жуют сестры Тренч!

Розмари больно стукнула его по голове.

Они купили диван и огромную кровать, кухонный стол и два стула с изогнутыми ножками. По телефону договорились с рабочими о перевозке.

Маляры пришли в среду, восемнадцатого. Они штукатурили, грунтовали, красили, замазывали трещины и ушли только в пятницу, двадцатого, оставив на стенах ровные слои красок, точь-в-точь совпадающих с образцами Розмари. Позже пришел один-единственный обойщик, долго чем то гремел и оклеил спальню.

Они звонили по разным магазинам, затем рабочим, дозвонились и до матери Ги в Монреаль. За неделю им удалось приобрести красивый старинный сервант, обеденный стол, тумбочки для аппаратуры, новые тарелки и столовое серебро. Они были в упоении. Год назад Ги снялся в целой серии телерекламы, которые все еще показывали каждый день, что уже принесло ему восемнадцать тысяч долларов и продолжало давать доходы.

Повесив шторы и оклеив пленкой полки, Розмари и Ги расстелили ковер в спальне и белую виниловую дорожку в коридоре. Провели телефон с тремя дополнительными розетками, оплатили счет за старую квартиру и оставили на почте свой новый адрес.

И 27 августа, в пятницу, они переехали. Джоан и Дик Джеллико прислали в подарок большой цветок в горшке, а агент Ги – такой же, но поменьше. От Хатча пришла телеграмма:

«Брэмфорд превратился из дурного дома в хороший, потому что одна из табличек на его дверях гласит: Р. и Г. Вудхаус».

Глава третья

Теперь Розмари стала очень занятой и была этим счастлива. Она купила и повесила занавески, отыскала для гостиной люстру в викторианском стиле, красиво разместила на кухне многочисленные кастрюльки и сковородки. Как-то она обнаружила, что доски в стенном шкафу коридора – это полки, которые легко вставляются на деревянные штыри. Она оклеила доски полосатой бумагой и, когда Ги вернулся домой, продемонстрировала ему аккуратный шкаф для белья. Рядом с домом, на Шестой авеню, находился супермаркет и китайская прачечная, куда можно было отдавать простыни и рубашки Ги.

У Ги тоже хватало дел, и он уходил на работу каждый день, как и подобает мужчине. После Дня труда[1 - День труда – официальный праздник, отмечаемый в США и Канаде в первый понедельник сентября. – Здесь и далее примеч. переводчика.] вернулся в город его наставник по вокалу. Ги занимался с ним каждое утро, а днем ходил на пробы для реклам и телеспектаклей. За завтраком он особенно нервничал, читая театральные объявления в газетах: все разъезжались на съемки; тот играл в «Небоскребе», этот – в «Черт побери, кошка!». А еще снимали «Невозможные годы» и «Жаркий сентябрь», и только он один-одинешенек остался здесь со своими рекламами. Но Розмари верила, что очень скоро и ему предложат что-нибудь стоящее, и спокойно ставила перед ним кофе и так же спокойно просматривала страницы газеты.

Будущая детская пока что представляла собой рабочий кабинет с пустыми стенами и мебелью, привезенной со старой квартиры. Бело-желтые обои решено было заказать позже. Их образец лежал в альбоме Пикассо вместе с рекламой комодов и детских кроваток.

Розмари написала письмо брату Брайану, чтобы поделиться своим счастьем. Никто больше в семье не оценил бы этого. Они все казались врагами – родители, братья, сестры никогда не простят ей брака с протестантом. И тем более не простят того, что она не венчалась в церкви, что у ее свекрови было два развода, а теперешний муж – еврей, с которым она живет в Канаде.

Приготовив цыпленка, Розмари испекла кофейный торт и целое блюдо сливочного печенья.

Розмари и Ги слышали Минни Кастивет прежде, чем познакомились с ней. Ее громкий голос со среднезападным акцентом отчетливо звучал и в их спальне: «Роман, подойди к кровати! Уже двадцать минут двенадцатого!» И через пять минут снова: «Роман! Принеси мне попить, когда придешь!»

– Не знал, что кто-то до сих пор еще снимает кино про мамашу и папашу Кеттл, – сказал Ги, и Розмари неуверенно рассмеялась. Она была на девять лет моложе Ги и не всегда понимала, что он хочет сказать.

Они познакомились с Гоульдами из квартиры 7F, приятной пожилой парой, потом с Брюнами и их сыном Вальтером – все они говорили с легким немецким акцентом и жили в квартире 7C. Они здоровались также с Келлогами из 7G, с мистером Стайном из 7H и господами Дубином и де Вором из квартиры 7B. (Розмари сразу узнала все фамилии, читая их на табличках возле дверных звонков и на конвертах писем, которые лежали у дверей – она не испытывала от этого угрызений совести.) Каппы из 7D не появлялись и не получали писем, наверное, еще не вернулись из летних отпусков, а Кастиветов из 7A пока было только слышно («Роман! Где Терри?»), но не видно. Они, видимо, были затворниками или выходили только по ночам (дверь их располагалась напротив лифта), зато они получали письма из многих мест, что очень удивляло Розмари: из Гавика (Шотландия), Лагника (Франция), Виктории (Бразилия), Песснока (Австралия); выписывали и «Лайф», и «Лук».

Розмари и Ги так и не обнаружили никаких следов ни сестер Тренч, ни Адриана Маркато, ни Кита Кеннеди, ни Перл Эймс, ни их современных последователей. Дубин и де Вор были гомосексуалистами, все же остальные казались вполне нормальными.

Почти каждый вечер они слушали западный выговор из соседней квартиры, которая, как догадывались Розмари и Ги, раньше была составной частью их собственной. «Нельзя быть уверенным на все сто процентов! – спорила женщина, и тут же добавляла: «Если уж важно мое мнение, то ей вообще не надо ничего говорить – вот МОЕ мнение!»

Однажды в субботу вечером у Кастиветов были гости. Пришло около десяти человек, они шумно разговаривали, а потом пели. Ги сразу же заснул, а Розмари пролежала до двух ночи, слушая их нестройный хор и звуки флейты или кларнета, сопровождавшие пение.

Раз в четыре дня Розмари все же вспоминала об опасениях Хатча – ей всегда становилось не по себе, когда приходилось спускаться в подвал, чтобы постирать вещи.

Служебный лифт сам по себе был не очень приятным – маленький, без лифтера, он жутко дребезжал и перемещался рывками. А подвал со старым кирпичным полом был и вовсе ужасным местом: шаги отдавались гулким эхом, слышались хлопки невидимых дверей, а вдоль стен, отвернувшись, стояли брошенные холодильники, застыв под светом ярких ламп в проволочных каркасах.

Именно здесь, вспомнила Розмари, не так давно нашли мертвого ребенка, завернутого в газету. Чей это был ребенок и как он умер? Пойман ли виновный, наказан ли? Она хотела пойти в библиотеку и прочитать об этом в газете, как поступил Хатч, но тогда все стало бы еще реальнее и страшнее, чем было сейчас. Точно знать место, где нашли труп; может быть, ходить по этому месту от лифта и обратно – все это стало бы для нее невыносимым. «Не обращать внимания и постепенно забыть, – решила она. – Все проклятый Хатч со своими добрыми намерениями!..»

Из этой прачечной получилась бы неплохая тюрьма: кирпичные стены, лампочки в железных каркасах и ячейки в стенах, закрытые проволочными дверями. Здесь стояли машины и сушилки, работающие за деньги, а в запертых ячейках –

личные агрегаты, Розмари приходила сюда в выходные или же после пяти вечера. В рабочие дни по утрам здесь обитала целая ватага прачек-негритянок, которые гладили белье и переговаривались между собой. Когда же она один раз появилась тут в их присутствии, те сразу неловко притихли. Розмари попыталась улыбнуться и хотела остаться незамеченной, но тишина продолжалась, и она почувствовала себя неуютно в обществе негров.

Однажды, на третьей неделе их жизни в Брэмфорде, в четверть шестого вечера Розмари сидела внизу, читала «Нью-Йоркер» и собиралась уже добавить в воду смягчитель, чтобы начать полоскать белье, как вдруг в подвал вошла девушка примерно ее же возраста. Она была темноволосая, с милым личиком, и, к своему огромному удивлению, Розмари обнаружила, что это Анна Мария Альбергетти. На ней были белые сандалии, черные шорты и шелковая кофточка абрикосового цвета. В руках она несла пластиковую желтую сумку с грязным бельем. Быстро кивнув в сторону Розмари, она прошла к стиральной машине и принялась загружать белье.

Анна Мария Альбергетти, насколько было известно Розмари, не жила в Брэмфорде, но она могла приехать к кому-нибудь в гости и помочь по хозяйству. Однако, когда Розмари пригляделась повнимательнее, то увидела, что ошиблась: у девушки был слишком длинный и острый нос и иные черты лица, а также другая походка. Тем не менее сходство казалось удивительным – и тут Розмари заметила, что девушка закрыла машину и смотрит на нее с вопросительной и растерянной улыбкой.

– Извини, – торопливо произнесла Розмари. – Я думала, что ты – Анна Мария Альбергетти, поэтому так и уставилась. Прости.

Девушка покраснела, снова заулыбалась и опустила глаза.

– Это со мной часто происходит. Не надо извиняться. Люди принимают меня за Анну Марию постоянно, с самого детства, когда она снялась в своей первой роли в фильме «А вот и жених». – Девушка посмотрела на Розмари, все еще красная, но уже без улыбки. – Я-то вообще не вижу никакого сходства. Я тоже итальянка, как и она, но между нами нет физического сходства.

– Есть, и еще какое, – заметила Розмари.

– Может быть, – ответила девушка. – Мне все говорят. Но я этого не нахожу. Хотя мне и хотелось бы, если честно.

– Ты ее знаешь? – спросила Розмари.

– Нет.

– Просто ты назвала ее Анна Мария, вот я и подумала...

– Нет, я просто всегда ее так называю. Наверное, из-за того, что мне приходится часто о ней вспоминать. – Она вытерла руку о шорты, потом протянула ее вперед. – Меня зовут Терри Джоноффрио. Я точно не помню, как пишется моя фамилия, поэтому даже не переспрашивай.

Розмари улыбнулась и пожала ей руку.

– А я Розмари Вудхаус. Мы здесь недавно живем, а ты?

– Я здесь вообще не живу. Я из квартиры мистера и миссис Кастивет, на седьмом этаже. Я вроде бы как их гостья, уже с июня. А ты их знаешь?

– Нет, но наша квартира рядом, раньше это была одна большая квартира.

– Боже мой! – воскликнула Терри. – Так вы и есть те самые жильцы, которые заняли квартиру этой старушки! Миссис... ну, той, которая умерла!

– Гардиния?

– Точно. Она была хорошая подруга Кастиветов. Выращивала травы и разные другие растения и приносила их миссис Кастивет для готовки.

Розмари кивнула.

– Когда мы первый раз смотрели квартиру, одна из комнат вся была уставлена горшками.

- А теперь, когда она умерла, миссис Кастивет сделала себе миниатюрную оранжерею на кухне и все выращивает сама.

- Извини, мне надо добавить смягчитель. - Розмари встала и вынула из пакета бутылочку.

- А знаешь, на кого Ты похожа? - спросила Терри.

- Нет, - ответила Розмари, отвинчивая крышку. - На кого?

- На Пайпер Лори.

Розмари рассмеялась.

- Не может быть! Мне это так смешно, потому что мой муж ухаживал за Пайпер Лори, пока та не вышла замуж.

- Ты не шутишь? В Голливуде?

- Нет, здесь. - Розмари налила в колпачок смягчителя. Терри помогла открыть дверцу машины. Розмари поблагодарила и принялась размешивать жидкость.

- Так твой муж актер? - спросила Терри.

Розмари самодовольно кивнула, закрывая бутылочку.

- Ты не шутишь? Как его зовут?

- Ги Вудхаус. Он играл в «Лютере» и в пьесе «Никто не любит альбатроса», а еще у него куча ролей на телевидении.

- Слушай, да я целыми днями смотрю телевизор. Спорим, что я его видела!

Где-то наверху послышался звук разбивающегося стекла - бутылки или окна.

- Ох ты! - воскликнула Терри.

Розмари сжалась и боязливо покосилась на входную дверь:

- Ненавижу этот подвал!

- Я тоже, - отозвалась Терри. - Я так рада, что ты здесь. Если бы я была одна, я бы умерла от страха.

- Наверное, рассыльный уронил где-то бутылку, - предположила Розмари.

- Слушай, а можно приходить сюда все время вдвоем? Ведь ваша дверь напротив служебного лифта, да? Я позвоню тебе, и мы спустимся вместе. А сначала можно договориться по внутреннему телефону, - предложила Терри.

- Это было бы здорово, - обрадовалась Розмари. - Я так не люблю ходить сюда одна!

Они рассмеялись, попытались еще что-то сказать, но, не найдя нужных слов, рассмеялись еще громче.

- У меня есть талисман; может быть, он будет спасать нас обеих? - Терри оттянула воротник кофточки и вынула блестящую цепочку, показывая ее Розмари. На цепочке висел филигранный серебряный шарик не больше дюйма в диаметре.

- Какой красивый!

- Правда? - обрадовалась Терри. - Мне его подарила позавчера миссис Кастивет. Ему триста лет. А то, что внутри, она сама вырастила в оранжерее. Это приносит счастье. По крайней мере, должно приносить.

Розмари начала внимательно разглядывать шарик, который Терри держала между большим и указательным пальцами. Он был наполнен серовато-зеленым пористым веществом, выпирающим из отверстий. Неприятный запах заставил Розмари отпрянуть.

Терри снова засмеялась.

- Мне тоже этот запах не очень нравится. Но главное, чтобы он срабатывал!

- Красивый талисман, - сказала Розмари. - Ничего подобного в жизни не видела.

- Это из Европы. - Терри прислонилась к машине и с удовольствием принялась рассматривать шарик, поворачивая его в руке. - Кастиветы - самые замечательные люди на всем белом свете. Они меня в буквальном смысле подобрали на улице. Я отключилась на Восьмой авеню, и они принесли меня сюда и приняли, как мать и отец. Вернее, как бабушка и дедушка.

- Ты была больна? - спросила Розмари.

- Мягко говоря, да. Я умирала от голода, сидела на наркотиках и делала еще черт знает что, о чем теперь даже вспоминать тошно, а мистер и миссис Кастивет меня полностью реабилитировали. Они помогли мне поправиться, отвыкнуть от героина, накормили, одели и теперь обо мне заботятся. Я получаю прекрасное питание, всякие витамины, и даже хожу к врачу на осмотры. И все потому, что у них нет детей. Я для них как дочка, понимаешь?

Розмари кивнула.

- Сначала я думала, что, может быть, у них есть какие-то тайные намерения, - продолжала Терри. - Но они - как настоящие бабушка и дедушка. Они хотят отправить меня учиться на секретаря, и я им потом, конечно, верну деньги. Я сама даже школу не закончила, но это можно наверстать.

Она опустила шарик назад.

- Приятно слышать, что есть еще такие люди, когда весь мир полон апатии и безразличия, - сказала Розмари.

- Немного таких, как мистер и миссис Кастивет, - ответила Терри. - Я бы сейчас уже не жила, если бы не они. Это уж точно.

- А у тебя разве нет семьи или кого-то, кто мог бы помочь?

- У меня брат на флоте. Но о нем лучше не говорить.

Розмари перенесла свое белье в сушилку и подождала, пока Терри закончит со своим. Они поговорили о маленькой роли Ги в «Другом мире» («Конечно же, я его помню! Так ты замужем за НИМ?»), о прошлом Брэмфорда (Терри ничего об этом не знала) и о предстоящем визите в Нью-Йорк папы римского Павла. Терри, как и Розмари, была католичкой, хотя и не ходила в церковь, но очень хотела достать билет на мессу на стадион «Янки». Когда все было выстирано, девушки поехали в служебном лифте на седьмой этаж. Розмари пригласила Терри посмотреть квартиру, но та сказала, что ей неудобно опаздывать – Кастиветы садились за стол ровно в шесть. Пообещала позвонить по внутреннему телефону попозже вечером, чтобы вдвоем спуститься в подвал за высушенным бельем.

Ги был уже дома. Он что-то жевал и смотрел фильм с участием Грейс Келли.

– Наверное, уже все перестирала, – предположил он. Розмари рассказала ему о Терри и Кастиветах и о том, что Терри видела его в «Другом мире». Он сделал вид, что не обратил на это внимания, хотя был польщен. Оказалось, что Ги не в духе – похоже, роль в новой комедии достанется не ему, а его сопернику Дональду Бомгарту; они готовились на нее вдвоем и сегодня состоялось прослушивание.

– Бог ты мой, – ворчал он. – Что это за имя такое – Дональд Бомгарт? – Его собственное имя раньше было Шерман Педен.

В восемь часов Розмари и Терри забрали белье из сушилки, и Терри пришла посмотреть квартиру и познакомиться с Ги. Она опять покраснела и очень волновалась. Видя это, Ги рассыпался в комплиментах, быстро сбегал за пепельницей и услужливо поднес ей спичку. Терри никогда раньше не была в этой квартире; миссис Гардиния и Кастиветы поссорились незадолго до того, как она появилась в доме, а потом миссис Гардиния впала в кому, из которой так и не вышла.

– Симпатичная квартира, – сказала Терри.

– Будет еще лучше, – заверила Розмари. – Мы еще и половину мебели не перевезли.

– Наконец-то вспомнил! – вскрикнул Ги и, хлопнув в ладоши, победно указал на Терри: – Анна Мария Альбергетти!

Глава четвертая

От Хатча пришел подарочный сверток: высокое ведерко для льда из тикового дерева с ярко-оранжевыми полосками. Розмари сразу же позвонила ему и поблагодарила за подарок. Он видел квартиру после того, как ее отделали рабочие, но с тех пор больше там не был, поэтому она сообщила, что стулья привезут только через неделю, а диван запаздывает на месяц.

– Только, ради бога, не надо меня развлекать, – сказал Хатч. – Как у вас идут дела?

Розмари все подробно доложила.

– И соседи у нас вполне нормальные, – заявила она. – Ну, кроме нормальных гомосексуалистов – их тут двое, – а напротив, через коридор, живет милая пожилая парочка по фамилии Гоульд, они в Пенсильвании разводят персидских кошек. Так что мы можем приобрести котенка в любое время.

– Они линяют, – пробурчал Хатч.

– Есть еще одна пара, мы с ними пока не знакомы, но они приютили у себя девушку, которая раньше была наркоманкой, и полностью ее вылечили, а теперь собираются отправить ее в школу учиться на секретаря.

– Похоже, что вы всем очень довольны. Я рад.

– Подвал немного страшный, – продолжала Розмари, – и я вас проклинаяю каждый раз, когда туда спускаюсь.

– Но почему же меня?

– Из-за ваших рассказов.

– Если ты имеешь в виду те, которые я пишу, то за них я и сам себя проклинаю, а если те, что я тебе пересказал, тогда точно так же можно ругать пожарную сирену за пожар или бюро прогнозов за тайфун.

Розмари успокоилась и добавила:

– Но теперь станет получше. Со мной будет ходить туда та девушка, о которой я говорила.

– Похоже, вы распространяете добро, как я и предполагал, по всему дому, и он уже больше не страшен. Используйте ведерко, и передавай от меня привет Ги.

Появились Каппы из квартиры 7D: полные супруги лет за тридцать, с любопытной двухгодовалой дочкой Лизой.

– Как тебя зовут? – спросила Лиза у Розмари. – Ты уже съела сегодня яйцо? А кукурузные хлопья? А «Капитана Кранча»?

– Меня зовут Розмари. Яйцо я съела, а капитана Кранча еще нет. А кто это? Я никогда раньше о нем не слышала.

Вечером 17 сентября, в пятницу, Розмари с Ги и еще две пары пошли на просмотр пьесы «Миссис Дэлли», а потом в гости к фотографу Ди Бертиллиону в его студию на западной Сорок восьмой улице. Бертиллион начал спорить с Ги по поводу найма иностранных актеров: Ги считал, что это правильная политика, а Бертиллион – наоборот. И хотя другие гости попытались весь этот разговор перевести в шутку, Ги и Розмари ушли рано, в полпервого.

Ночь была свежая и приятная, и они решили прогуляться. У самого угла Брэмфорда они сразу же заметили на тротуаре человек двадцать, собравшихся полукругом возле одной из машин. Рядом стояли две полицейские машины с работающими мигалками на крышах.

Розмари и Ги зашагали быстрее, взявшись за руки и предчувствуя недоброе. Машины на дороге немного притормаживали; из-за голов горгулий, украшавших

окна Брэмфорда, выглядывали люди. Ночной сторож Тоби вышел из дверей дома с коричневым одеялом, которое у него тут же забрал полицейский.

Крыша «фольксвагена», вокруг которого толпились люди, была смята, ветровое стекло разбито вдребезги.

– Умерла, – сказал кто-то, а другой голос добавил: – Я посмотрел наверх, и мне показалось, что какая-то огромная птица ринулась вниз – орел или что-то в этом роде.

Розмари и Ги привстали на цыпочки, заглядывая через плечи зевак.

– Отойдите назад, – приказал полицейский.

Люди расступились, полицейский в спортивной рубашке прошел вперед. На тротуаре лежала Терри и смотрела в небо одним глазом, другая половина ее лица превратилась в кровавое месиво. Ее накрыли коричневым одеялом, на котором сразу же проступили красные пятна.

Розмари пошатнулась, закрыла глаза и машинально перекрестилась. Она крепко стиснула зубы, испугавшись, что ее сейчас вырвет.

Ги сморщился и шумно втянул в себя воздух.

– Господи, – простонал он. – Боже ты мой!

Полицейский повторил:

– Отойдите назад, пожалуйста.

– Мы ее знаем, – сказал Ги.

Второй полицейский повернулся к ним.

– Как ее звали?

– Терри.

– Терри? А как дальше? – Этому голубоглазому полицейскому на вид было лет сорок, и он уже изрядно вспотел.

– Ро, как ее звали? Терри, а дальше? – переспросил Ги.

Розмари открыла глаза и сглотнула.

– Не помню. Какая-то итальянская фамилия, очень длинная, начинается на «дж». Она даже шутила, что эту фамилию трудно писать.

– Она жила в семье Кастивет, в квартире 7А, – сообщил Ги голубоглазому полицейскому.

– Мы это уже выяснили.

Подошел еще один полицейский, держа в руке листок желтоватой бумаги. Позади него, поджав губы, стоял мистер Миклас. На нем поверх полосатой пижамы был накинут плащ.

– Коротко и ясно, – сказал подошедший полицейский голубоглазому и протянул ему листок. – Она прилепила это к окну пластырем, чтобы ветер не унес.

– Там кто-нибудь есть?

Полицейский покачал головой.

Голубоглазый прочитал записку, в задумчивости шумно выпуская воздух сквозь зубы.

– Тереза Джоноффрио, – произнес он, как настоящий итальянец.

Розмари кивнула.

- В среду вечером мы бы и не подумали, что у нее в голове такие невеселые мысли, - сказал Ги.

- Очень грустные мысли, - согласился полицейский, раскрыл папку для бумаг, вложил в нее записку и закрыл.

- Вы разве знали ее? - спросил мистер Миклас у Розмари.

- Немного, - ответила она.

- Ну да, конечно, - спохватился мистер Миклас. - Вы ведь тоже с седьмого этажа.

- Ну ладно, дорогая, пойдем наверх, - предложил Ги.

- А вы не знаете, где можно отыскать этих Кастиветов? - остановил их полицейский.

- Понятия не имею, - ответил Ги. - Мы с ними даже не знакомы.

- В это время они обычно бывают дома, - сказала Розмари. - Мы их слышим через стенку. У нас спальни рядом.

Ги положил руку Розмари на плечо.

- Ну, пойдем, дорогая.

Они кивнули полицейскому, мистеру Микласу и направились к дому.

- А вот и они, - сказал мистер Миклас.

Розмари и Ги остановились и обернулись назад. Из города, откуда они только что пришли сами, появилась пара: высокая полная женщина с седыми волосами и столь же высокий худой мужчина с шаркающей походкой.

- Это Кастиветы? - спросила Розмари.

Мистер Миклас кивнул.

Миссис Кастивет была в светло-голубом платье и в белоснежных перчатках, таких же туфлях, шляпке и с сумочкой. Она заботливо вела под руку своего мужа. Тот был одет великолепно: в льняную куртку с полосками всех цветов, красные брюки, на шее – розовый бант, а на голове – серая широкополая фетровая шляпа с розовой лентой. Ему было лет семьдесят пять или больше, ей – под семьдесят. Они ускорили шаг, вопросительно улыбаясь. Навстречу им двинулся полицейский, и улыбки их сразу исчезли. Миссис Кастивет что-то взволнованно сказала, а ее муж нахмурился и покачал головой. Его тонкие губы были ярко-розовые, будто покрашенные помадой, щеки бледные, маленькие глазки блестели. В лице миссис Кастивет выделялся большой нос и пухлая нижняя губа. Она была в очках в розовой оправе, и цепочка от них свисала у сережек с искусственным жемчугом.

– Вы и есть Кастиветы с седьмого этажа? – спросил полицейский.

– Да, это мы, – сухо и с достоинством ответил мистер Кастивет.

– С вами живет девушка по имени Тереза Джоноффрио?

– Да, – сказал мистер Кастивет. – А что случилось? Что-нибудь с ней произошло?

– Подготовьтесь к самому худшему. – Полицейский немного помолчал и произнес: – Она умерла. Покончила жизнь самоубийством. – Подняв руку, он большим пальцем указал через плечо. – Она выпрыгнула из окна.

Старики смотрели на него с тем же выражением на лицах, что и минуту назад, будто он еще ничего не сказал, потом миссис Кастивет шагнула в сторону, увидела окровавленное одеяло, выпрямилась и снова взглянула ему в глаза.

– Это невозможно, – громко произнесла она таким же голосом, как и «Роман-принеси-мне-попить». – Это ошибка. Там под одеялом кто-то другой.

– Арти, дай этим людям взглянуть, пожалуйста, – попросил полицейский.

Миссис Кастивет твердой походкой прошла мимо него. Мистер Кастивет не двигался.

– Я знал, что это случится, – пробормотал он. – У нее начиналась глубокая депрессия через каждые три недели. Я замечал это и говорил жене, но она меня успокаивала. Она оптимистка и не хочет верить в то, что не всегда все происходит так, как ей бы хотелось.

Вернулась миссис Кастивет.

– Но это еще не значит, что она сама это сделала, – сказала она. – Терри была счастлива. У нее не было причин для самоубийства. Это, скорее всего, несчастный случай. Вероятно, она мыла окна и потеряла равновесие. Она всегда старалась сделать нам что-нибудь приятное.

– Она не могла мыть окна ночью, – возразил мистер Кастивет.

– Почему бы и нет? – рассердилась миссис Кастивет. – Может быть, и мыла!

Полицейский достал из папки записку и протянул им. Миссис Кастивет немного поколебалась, потом взяла записку, перевернула ее и прочитала. Мистер Кастивет вытянул шею и тоже прочел, шевеля тонкими губами.

– Это ее почерк? – спросил полицейский.

Мистер Кастивет кивнул.

– Точно. Совершенно верно.

Полицейский протянул руку, и миссис Кастивет отдала ему листок.

– Спасибо, – сказал он. – Потом вы получите ее назад.

Миссис Кастивет сняла очки, и они повисли на цепочке. Она закрыла глаза руками, не снимая перчаток.

– Я не верю этому. Я просто этому не верю. Она была так счастлива. Все тревоги были уже позади.

Мистер Кастивет положил ей руку на плечо, опустил глаза и покачал головой.

– Вы знаете ее родственников? – спросил полицейский.

– У нее никого не было, – ответила миссис Кастивет. – Она была совсем одна. У нее никого не было, кроме нас.

– Разве у Терри не было брата? – удивилась Розмари.

Миссис Кастивет надела очки и внимательно посмотрела на нее. Мистер Кастивет поднял глаза – было видно, как они засветились под полями шляпы.

– А разве был? – спросил полицейский.

– Она говорила, что был, – ответила Розмари. – Во флоте.

Полицейский посмотрел на Кастиветов.

– Для меня это новость, – сказала миссис Кастивет, а ее муж добавил: – Для нас обоих.

– Вы знаете его звание или место, где он служит? – спросил полицейский у Розмари.

– Нет, – ответила она и обратилась к Кастиветам: – Она упомянула мне о нем на днях, в прачечной. Я Розмари Вудхаус.

– Мы живем в квартире 7Е, – объяснил Ги.

– Я чувствую то же, что и вы, миссис Кастивет, – призналась Розмари. – Она казалась такой счастливой, полной радости и планов на будущее. Она так хорошо отзывалась о вас и вашем муже, говорила, что благодарна вам за помощь, за то, что вы для нее сделали.

– Спасибо. Очень мило с вашей стороны поддержать нас в эту минуту. Нам стало немного легче.

– Вы больше ничего не знаете об этом брате, кроме того, что он во флоте? – настойчиво спросил полицейский.

– Это все, – подтвердила Розмари. – По-моему, она его не очень любила.

– Его будет легко найти, – предположил мистер Кастивет. – Фамилия Джоноффрио не так уж часто встречается.

Ги обнял Розмари, и они пошли к дому.

– Я так ошеломлена, и мне очень жаль ее, – сказала Розмари Кастиветам. – Очень жаль. Это...

– Спасибо вам, – перебила миссис Кастивет, а ее муж произнес какую-то длинную и непонятную фразу, из которой можно было разобрать только слова «ее последние дни».

Розмари и Ги поднялись наверх («Боже мой! – повторял ночной лифтер Диего. – Боже мой! Боже мой!»), печально посмотрели на дверь 7А, где теперь обитало привидение, и прошли по коридору в свою квартиру. Из соседней двери выглянул мистер Келлог и спросил, что происходит внизу. Они все рассказали.

Некоторое время они сидели на краю кровати и размышляли о том, какие у Терри могли быть причины для самоубийства. Наконец решили, что если когда-нибудь Кастиветы покажут им записку, то можно будет узнать, что же побудило ее совершить этот прыжок, свидетелями которого они чуть не стали. Хотя, добавил Ги, и содержание записки не всегда дает ответ, потому что его, наверное, не знала и сама Терри. Что-то привело ее к наркотикам и что-то толкнуло на самоубийство, но что именно – рассуждать уже поздно.

– Помнишь, что говорил Хатч? – спросила Розмари. – Что здесь больше самоубийств, чем в других домах.

– Ну, Ро, – возразил Ги, – все это чепуха. Ты имеешь в виду его болтовню об «опасной зоне»?

– Но Хатч верит в это!..

– Все равно чепуха.

– Представляю, что он скажет, когда узнает об этом.

– А ты ему не говори. В газетах он все равно ничего не прочтет. Только утром началась забастовка нью-йоркских газетчиков, и ходили слухи, что она продлится около месяца.

Они разделись, приняли душ, возобновили незаконченную игру в скрэббл[2 - Скрэббл – игра, смысл которой заключается в составлении максимального количества слов из ограниченного набора букв. Ее полным аналогом является игра «Эрудит».] , снова ее не закончили, занялись любовью, а потом отыскивали в холодильнике немного молока и блюдо с холодными спагетти. Перед тем как окончательно выключить свет в половине третьего, Ги проверил автоответчик и обнаружил, что ему предложили участвовать в рекламе на радио для винной фирмы Креста Бланка.

Скоро он заснул, а Розмари продолжала ворочаться. Она все еще видела лицо Терри: окровавленную маску и один глаз, смотрящий в небо. Через некоторое время, однако, она незаметно для себя перенеслась в церковь Мадонны в своем родном городе. Сестра Агнес яростно махала кулаком и требовала, чтобы ее исключили из председателей школьного совета. «Иногда я вообще удивляюсь, как ты можешь руководить хоть чем-нибудь!» – кричала она. Стук за стеной разбудил Розмари, и она услышала голос миссис Кастивет: «И пожалуйста, не говори мне, что сказала Лаура-Луиза, потому что мне это неинтересно». Розмари повернулась и уткнулась в подушку.

... Сестра Агнес негодовала. Ее пороссячи глазки были прищурены до крошечных щелочек, а ноздри раздувались, как бывало всегда в такие минуты. Из-за Розмари пришлось заложить кирпичом все окна, и теперь церковь Мадонны сняли с конкурса, проводимого газетой «Уорлд Герольд». «Если бы послушали меня, этого не пришлось бы делать! – кричала сестра Агнес со среднезападным акцентом. – Мы уже были бы на полпути, а теперь придется начинать все

сначала!» Дядюшка Майк пытался успокоить ее. Он был директором церкви, которая маленьким коридором соединялась с его магазином в южной части Омахи. «Я же говорила, что ей ничего не надо рассказывать! – продолжала орать сестра Агнес, ее пороссячи глазки так и сверкали. – Я же знала, что она ничего не поймет. Впереди было достаточно времени, чтобы посвятить ее» (Розмари рассказала все сестре Веронике про окна, и та вывела их из участия в конкурсе. В противном случае никто бы ничего не заметил, и они бы победили. С ее стороны было честно все рассказать. Но сестра Агнес, видимо, не считала, что католики не могут побеждать обманом). «Кто угодно! – вещала сестра Агнес. – Она должна быть молодой, здоровой и не девственницей. И совсем не обязательно, чтобы она была наркоманкой из уличной помойки. Разве я не говорила это с самого начала? Кто угодно. Просто молодая, здоровая и не девственница».

Это была уже полная бессмыслица, даже для дядюшки Майка, поэтому Розмари повернулась на другой бок... и вот уже настало воскресенье, и она с Брайаном, Эдди и Джин оказалась в кондитерском магазине. Вечером они собирались посмотреть «Источник»... Только это было не кино. Все происходило на самом деле.

Глава пятая

В понедельник утром, когда Розмари заканчивала разбирать покупки, в дверь позвонили. В глазок она увидела миссис Кастивет в бигудях, покрытых бело-синей косынкой, которая смотрела прямо и уверенно, будто приготовилась фотографироваться на паспорт.

Розмари открыла дверь.

– Здравствуйте. Как у вас дела?

Миссис Кастивет чуть заметно улыбнулась.

– Хорошо. Можно, я зайду на минуточку?

– Да, конечно, пожалуйста. – Розмари отступила и распахнула дверь пошире. До нее донесся слабый горьковатый запах талисмана Терри, наполненного коричневатым губчатым веществом. Миссис Кастивет надела штаны тореадора, что было весьма опрометчиво: они подчеркивали ее огромные бедра и ляжки со свисающими жировыми складками. Штаны были светло-зеленого цвета, поверх них – синяя блузка. Из кармана торчала отвертка. Остановившись у дверей рабочего кабинета и кухни, она надела очки и улыбнулась Розмари. На секунду Розмари вспомнила недавний сон – как сестра Агнес сердилась на нее за то, что пришлось закладывать окна кирпичом, но сразу же отогнала его, улыбнулась и приготовилась выслушать миссис Кастивет.

– Я пришла просто поблагодарить вас, – начала миссис Кастивет, – за те добрые слова, которые вы нам сказали недавно, что Терри была счастлива с нами. Вы даже не знаете, как это было вовремя в тот момент, потому что в глубине души мы подумали, что вдруг это мы что-то не так сделали или сказали, и довели ее... хотя и в записке ясно указано что она поступила исключительно по своему желанию, но все равно нам было очень приятно слышать эти слова от человека, которому Терри доверилась за несколько дней до кончины.

– Пожалуйста, не благодарите меня, ведь я только передала то, что она мне сказала.

– Другие бы даже не побеспокоились, – продолжала миссис Кастивет. – Они бы попросту отвернулись и ушли, чтобы не терять понапрасну времени. Когда вы состаритесь, вы поймете, как важны такие добрые поступки и как они редки в нашем мире. Поэтому я очень вам благодарна, и Роман тоже. Роман – это мой муж.

Розмари наклонила голову и произнесла:

– Я очень рада, что смогла вам как-то помочь.

– Вчера была кремация, без всяких речей. Именно так она и хотела. А теперь надо об этом забыть и жить дальше. Это, конечно, нелегко, мы ее очень любили – у нас ведь нет своих детей. А у вас есть?

– Нет, пока нет, – ответила Розмари.

Миссис Кастивет заглянула в кухню.

– Как мило, сковородки висят как раз на местах. А как, интересно, вы расположили стол?

– Я взяла образец из журнала, – пояснила Розмари.

– У вас тут хорошо потрудились рабочие. – Миссис Кастивет с удовольствием ощупала свежеекрашенный дверной косяк. – Это все за счет владельцев дома? Вы, наверное, были с ними очень щедры, – нам такое не делали.

– Мы всего-то и дали им по пять долларов, – отозвалась Розмари.

– И только-то? – удивилась миссис Кастивет, повернулась и заглянула в рабочий кабинет. – Как мило! Комната для просмотра телевизора.

– Это временно. По крайней мере, я на это рассчитываю. Тут будет детская.

– Вы беременны? – спросила миссис Кастивет, глядя на нее.

– Пока нет, – ответила Розмари, – но я надеюсь на это в скором будущем, как только мы перевезем все окончательно.

– Чудесно! Вы здоровая и молодая, у вас должно быть много детей.

– Мы думаем, их будет трое. Хотите посмотреть квартиру?

– С удовольствием. Я умираю от нетерпения, как хочется увидеть, что вы с ней сделали. Я ведь раньше бывала здесь каждый день – дружила с прежней хозяйкой.

– Я знаю. – Розмари прошла вперед, показывая дорогу. – Мне Терри говорила.

– Правда? – миссис Кастивет последовала за ней. – Похоже, вы с ней часто болтали в прачечной.

– Всего один раз.

Миссис Кастивет удивилась, войдя в гостиную:

– Боже мой! Как непривычно! Она стала гораздо светлей! А какой стул здесь у вас! Просто прелесть.

– Его привезли только в пятницу.

– И сколько вы за него заплатили?

Розмари смутилась.

– Точно не знаю. По-моему, долларов двести.

– Вы не сердитесь, что я вас расспрашиваю? – Миссис Кастивет постучала себя по носу. – Вот от этого у меня нос так и вырос, что я постоянно сую его куда не надо.

Розмари засмеялась.

– Нет-нет, все в порядке. Я не против.

Миссис Кастивет исследовала гостиную, спальню и ванную, спросила, сколько потребовал сын миссис Гардини за ковер и трюмо, где они купили такие ночники, сколько полных лет Розмари и правда ли, что электрическая зубная щетка лучше обычной. Розмари поймала себя на мысли, что ей нравится эта откровенная старушка, ее громкий голос и прямые вопросы. Она предложила ей кофе с тортом.

– А чем занимается ваш муж? – спросила миссис Кастивет, сидя на кухне и ловко рассматривая ценники на банках с консервированным супом и устрицами. Розмари, передавая салфетку, ответила ей.

– Я так и знала! – вскрикнула миссис Кастивет. – Я вчера сказала Роману: «Он такой красивый, наверное, артист!» В этом доме живут еще три или четыре артиста. А в каких фильмах он снимался?

- Не в фильмах. Он играл в двух пьесах - «Лютер» и «Никто не любит альбатроса», и еще у него много работы на радио и телевидении.

Они пили кофе и ели торт на кухне. Миссис Кастивет не хотела, чтобы из-за нее Розмари накрывала стол в гостиной.

- Послушайте, Розмари, - сказала она, откусывая торт и запивая его сладким кофе, - вот прямо сейчас у меня размораживается огромный кусок филейного мяса, и половина его пропадет, потому что мы с Романом все не съедим. Что, если вы и Ги придете к нам сегодня на ужин, а?

- Нет, мы не сможем, - ответила Розмари.

- Ну почему, может быть, все-таки придете?

- Видимо, нет. Я не уверена, что вы и вправду...

- Вы бы нас очень выручили. - Миссис Кастивет опустила голову, а потом заглянула Розмари прямо в глаза. - Прошлым вечером и в субботу у нас были гости, а сегодня мы первый раз останемся совсем одни после этой... после той ночи.

Розмари сочувственно придвинулась к ней.

- Ну, если вы считаете, что мы не очень вам помешаем...

- Милочка, да если бы вы помешали, я бы вас ни за что не пригласила. Поверьте мне, я страшная эгоистка.

Розмари улыбнулась.

- Вот об этом мне Терри не говорила.

- Ну, - довольно пропела миссис Кастивет. - Терри об этом не догадывалась.

– Я должна, конечно, спросить у Ги, но, в общем, вы можете на нас рассчитывать.

Миссис Кастивет обрадовалась.

– Послушайте! Скажите ему, что я отказов не принимаю! Ведь тогда я не смогу похвастаться перед своими знакомыми, что я его знаю лично!

Они допили кофе с тортом, разговаривая о сложностях и страстях в карьере артиста, о новых телепостановках и о том, что все они очень неудачны, а потом и о газетной забастовке.

– В полседьмого вам не будет рано? – спросила миссис Кастивет уже в дверях.

– Очень хорошо, – ответила Розмари.

– Роман не любит есть позднее, – объяснила миссис Кастивет. – У него больной желудок, и если он поужинает поздно, то потом долго не может заснуть. Вы знаете, где наша квартира? 7А – в шесть тридцать. Мы вас ждем с нетерпением, А вот ваша почта пришла, я вам передам... Рекламы. Но все равно лучше, чем ничего, верно?

Ги вернулся домой в половине третьего в плохом настроении. Его агент сообщил, что, как он и боялся, роль получил актер с жутким именем Дональд Бомгарт, а цель была так близка! Розмари поцеловала его, усадила на новый стул и принесла сэндвич с расплавленным сыром и стакан пива. Чтобы как-то успокоить Ги, она сказала, что прочитала эту пьесу, и она ей не понравилась. Вероятнее всего, пьеса быстро сойдет со сцены и о Дональде Бомгарте больше никто никогда не услышит.

– Даже если пьеса не пойдет, – пробурчал Ги, – то такая роль не может остаться незамеченной. Вот увидишь: ему сразу же предложат следующую. – Он приподнял верхний кусочек хлеба, заглянул внутрь сэндвича и принялся жевать его.

– Миссис Кастивет заходила сегодня утром, – сообщила Розмари, – чтобы поблагодарить меня за добрые слова о Терри. По-моему, на самом деле она

просто хотела посмотреть квартиру. Это самая любопытная старушка из всех, которых я видела. Она спрашивала меня, за сколько мы купили мебель.

- Ты не шутишь? - спросил Ги.

- Но она и сама созналась, что очень любопытна, это было так смешно и очень мило. Она даже в аптечку заглянула.

- Прямо в аптечку?!

- Прямо в аптечку. А знаешь, что на ней было надето?

- Какой-нибудь невероятный мешок?

- Нет, тореадорские штаны в обтяжку.

- Не может быть.

- Да, светло-зеленого цвета.

- Бог ты мой!

Встав на колени, Розмари линейкой начала измерять ширину подоконников.

- Она пригласила нас сегодня на ужин. - Розмари выжидательно посмотрела на Ги. - Я сказала, что еще надо посоветоваться с тобой, но вообще я не против. - Но Боже мой, Ро, мы ведь не хотим туда идти, правда?

- Мне кажется, что им сейчас очень одиноко, - сказала Розмари. - Без Терри.

- Дорогая, - начал объяснять Ги, - если мы подружимся с этими старичками, то они сядут нам на шею. Мы ведь живем на одном этаже, и они будут заглядывать к нам по сто раз на дню. Особенно если она такая любопытная.

- Но я сказала, чтобы на нас рассчитывали.

- Я думал, что ты сначала со мной посоветуешься.

- Но они нас очень ждут, - беспомощно проговорила Розмари. - Она так хотела, чтобы мы пришли.

- Сегодня мне особенно не до угождения разным старичкам, - рассердился Ги. - Позвони им, пожалуйста, и скажи, что мы не можем прийти.

- Хорошо, позвоню, - ответила Розмари и провела на плане квартиры несколько линий.

Ги доел сэндвич.

- И пожалуйста, не дуйся на меня.

- Я и не дуюсь. Я просто подумала, что они ведь и правда живут на этом этаже. Так что здесь ты абсолютно прав. Я совсем не обиделась.

- Черт, - проворчал Ги. - Ну ладно, пойдем.

- Нет-нет, зачем? Мы не обязаны. Я утром как раз ходила за продуктами, так что обед мы и сами приготовим.

- Нет, мы пойдем к ним.

- Если не хочешь, то не надо. Я это честно говорю.

- Мы пойдем, и это будет мой сегодняшний благородный поступок.

- Ладно, если ты в самом деле хочешь. Но мы дадим им понять, что это в первый и последний раз. И никакой дружбы мы не завязываем. Идет?

- Идет.

Глава шестая

Наступила половина седьмого, и через несколько минут Розмари и Ги прошли по темным переходам к квартире Кастиветов. Когда Ги позвонил, сзади открылся лифт и из него вышел мистер Дубин или мистер де Вор (они не знали, кто из них – кто), неся в руке чемодан, обернутый в полиэтилен. Он, улыбаясь, открыл дверь квартиры 7В и произнес: «По-моему, вам не сюда». Розмари и Ги весело рассмеялись. Он быстро вошел в квартиру, крикнув «Это я!», и в глубине комнат они успели разглядеть черный сервант и красные с золотом обои.

Дверь Кастиветов открылась, и их встретила миссис Кастивет. Она была напудрена, нарумянена и широко улыбалась. На ней было светло-зеленое платье и розовый плиссированный фартук.

– Как вы точно пришли! – обрадовалась она. – Проходите! Роман как раз готовит коктейли с водкой. Как я рада, что вы смогли прийти, мистер Ги! Теперь я буду всем говорить, что знаю вас лично, что вот из этой тарелки он ел – сам Ги Вудхаус. Я ее даже мыть не буду – оставлю на память!

Ги и Розмари обменялись взглядами. «Это твоя подруга», – говорили его глаза, а ее: «Ну что я могу поделать?!»

В большом холле стоял прямоугольный стол, накрытый на четверых, с вышитой белой скатертью, тарелками из разных сервизов и столовым серебром. Налево открывался вид в гостиную, которая была похожа на комнату в квартире Ги и Розмари, только раза в два больше, и с одним большим окном вместо двух поменьше и таким же мраморным камином и лепными украшениями. Комната была обставлена необычно: возле камина стоял диванчик, столик с лампой и несколько стульев, у противоположной стены – множество ящиков для бумаг, журнальные столики, заваленные газетами, перегруженные книжные полки и пишущая машинка на металлической подставке. От стены до стены на полу лежал новый пушистый коричневый ковер.

Было видно, что по нему недавно прошлись пылесосом. Посреди комнаты одиноко стоял крошечный столик с журналами «Лук», «Лайф» и «Сайнтифик Америкэн».

Миссис Кастивет провела их по ковру и усадила на диван. Тут же пришел и мистер Кастивет: в руках он держал поднос со стаканами, доверху наполненными розовой жидкостью. Не спуская глаз со стаканов, он медленно двинулся по ковру, будто каждую секунду ему грозило страшное падение.

– По-моему, я налил слишком много, – заговорил он. – Нет-нет, не вставайте, пожалуйста. Обычно я рассчитываю точно, как настоящий бармен, верно, Минни?

– Осторожней с ковром, – сказала миссис Кастивет.

– Но сегодня, – продолжал он, подходя ближе, – я приготовил немного больше, и, чтобы не оставлять в миксере, я подумал, что... Ну, вот и все. Пожалуйста, сидите. Миссис Вудхаус?

Розмари взяла стакан, поблагодарила его и устроилась поудобнее. Миссис Кастивет быстро положила ей на колени салфетку.

– Миссис Вудхаус, это коктейль из водки. Вы такой пробовали?

– Я – нет. – Ги тоже взял коктейль и сел.

– Минни, – сказал мистер Кастивет.

– Смотрится прекрасно, – заметила Розмари, вытирая салфеткой дно стакана.

– Такие коктейли делают в Австралии. – Мистер Кастивет взял последний стакан и поднял его вверх. – За наших гостей. Добро пожаловать в наш дом. – Он отпил немного и, оценивая вкус, критически наклонил голову, прищурив один глаз.

Поднос упал на ковер.

Миссис Кастивет поперхнулась.

– Ковер! – воскликнула она и закашлялась.

Мистер Кастивет посмотрел вниз.

- Боже мой! - сказал он в растерянности и поднял поднос.

Миссис Кастивет поставила стакан, встала на колени и приложила салфетку к ковру.

- Совершенно новый ковер. Ты у меня такой неуклюжий!

Коктейли оказались кисловатыми и приятными на вкус.

- А вы сами из Австралии? - спросила Розмари после того, как пятно было уничтожено, поднос унесен на кухню и Кастиветы уселись на стульях.

- Нет, - ответил мистер Кастивет, - я родился здесь, в Нью-Йорке. Но я там бывал. Я был везде. В буквальном смысле.

Он медленно пил свой коктейль, сидя со скрещенными ногами и положив одну руку на колено. На нем были черные мокасины с кисточками, серые брюки, белая рубашка, на шее - синий платок в золотую полоску.

- На всех континентах, во всех странах, - продолжал он. - Вы называете любое место, и я уверен, что был там. Давайте попробуем. Называйте.

- Фэрбенкс на Аляске, - выпалил Ги.

- Был, - сказал мистер Кастивет. - Я был во многих местах на Аляске: Фэрбенкс, Джуно, Анкоридж, Ном, Сьюард. Я провел там четыре месяца в 1938 году, и мне пришлось делать множество однодневных остановок в Фэрбенксе и Анкоридже по дороге на Дальний Восток. Я бывал и в маленьких городках Аляски - в Диллингеме и Акулураке.

- А вы откуда? - спросила миссис Кастивет, поправляя складки на груди.

- Я из Омахи, - ответила Розмари, - а Ги из Балтимора.

- Омаха - хороший город, - заметил мистер Кастивет. - Балтимор - тоже.

– Вам приходилось путешествовать по заданию фирм? – поинтересовалась Розмари.

– И по заданию фирм, и по собственному желанию. Мне уже семьдесят девять лет, а я начал путешествовать, когда мне исполнилось десять. Называйте любые города – я был везде.

– А где вы работали? – спросил Ги.

– Где я только не работал, – разговорился мистер Кастивет. – В шерстяной промышленности, в сахарной, нефтяной, по игрушкам, запчастям для станков, занимался морской страховкой...

В кухне зазвенел звонок.

– Отбивные готовы. – Миссис Кастивет встала со стаканом в руке. – Не торопитесь допивать, возьмите с собой коктейли за стол. Роман, не забудь принять таблетку.

– Третьего октября забастовка закончится, – настаивал мистер Кастивет. – За день до приезда папы римского. Ни один Папа не приедет в город, где бастуют газетчики.

– А я слышала по телевизору, что он отложит свою поездку до тех пор, пока забастовка не кончится, – сообщила миссис Кастивет.

Ги улыбнулся.

– Ну, так и полагается для настоящей показухи.

Мистер и миссис Кастивет засмеялись, и Ги присоединился к ним. Розмари улыбнулась и разрежала отбивную, сухую и пережаренную, с горошком и картофельным пюре под мучным соусом.

Миссис Кастивет никак не могла успокоиться.

– Да, действительно, прямо в точку: настоящая показуха!

- Я дарю вам эту шутку, - сказал Ги.

- Все эти наряды и ритуалы... - подхватил мистер Кастивет. - Да и во всех религиях, не только у католиков. Сплошной маскарад для невежд!

- Может быть, мы обижаем Розмари своими замечаниями? - заметила миссис Кастивет.

- Нет, вовсе нет.

- Вы ведь не религиозны, дорогая моя? - учтиво спросил мистер Кастивет.

- Меня так воспитывали, - сказала Розмари. - Но теперь я чистый агностик. Так что вы меня ничуть не обидели.

- А вы? - поинтересовался мистер Кастивет у Ги. - Вы тоже агностик?

- Наверное, да. Не знаю, как можно думать иначе. То есть я хочу сказать, что убедительных доказательств нет ни у одной из сторон, верно?

- В самом деле нет, - согласился мистер Кастивет.

Миссис Кастивет внимательно поглядела на Розмари.

- Ты так неуютно себя почувствовала, когда мы смеялись над шуткой Ги насчет Папы.

- Ну, он ведь все-таки Папа, - смутилась Розмари. - Я всегда его уважала и сейчас уважаю, хотя и не считаю уже, что он святой.

- Если ты не считаешь его святым, - сказал мистер Кастивет, - то не следует его и уважать, потому что он обманывает людей, говоря, что он святой.

- Вот именно, - поддержал Ги.

– Как только подумаю, сколько денег уходит на его наряды и драгоценности... – проговорила миссис Кастивет.

– Вот вам и лицемерие, замаскированное религией, – продолжал мистер Кастивет. – Это было неплохо изображено в «Лютере». Вы там играли главную роль, Ги?

– Я? Нет! – ответил Ги.

– Разве не вы были дублером Альберта Финни?

– Нет. У меня там была менее заметная роль.

– Странно, – удивился мистер Кастивет. – А я думал, что это вы. Я помню вашу жестикуляцию и специально посмотрел в программке, кого вы играли. И там написано, что вы были дублером Финни.

– Какую жестикуляцию? – не понял Ги.

– Ну, я не помню точно, вот такие движения...

– Когда у Лютера начинался приступ, я делал руками такой жест, как бы протягивая их к небу.

– Точно! – радостно подтвердил мистер Кастивет. – Именно это... А вот у мистера Финни все было очень неестественно, смею заметить.

– Да что вы, – возразил Ги.

– По-моему, его игру сильно переоценили, – сказал мистер Кастивет. – Интересно было бы посмотреть, как бы вы сыграли эту роль.

Ги засмеялся.

– Мы с Финни действительно очень разные. – Он радостно посмотрел на Розмари. Она улыбнулась: ей было приятно, что Ги чувствует себя здесь хорошо, иначе бы

он ей этого не простил – весь вечер провести в разговорах с папашей и мамашей Сеттл. Нет, Кеттл.

– Мой отец был театральным продюсером, – продолжал мистер Кастивет. – И все свое детство я провел в обществе таких людей, как миссис Фиск и Форбс-Робертсон, Отис Скиннер и Моджеска. Поэтому я замечаю не только обычные способности у актеров. У вас, например, интереснейшие внутренние качества, Ги. И по телепередачам это видно. Вы пойдете очень далеко, если преодолеете полосу временных неудач, через которую должен пройти каждый выдающийся актер. Вы сейчас где-нибудь снимаетесь?

– У меня есть на примете парочка ролей, – сказал Ги.

– Не могу себе представить, чтобы вам в них отказали.

– А я могу.

Мистер Кастивет уставился на Ги.

– Вы это серьезно?

На десерт был домашний бостонский пирог с кремом, и хотя он удался лучше, чем отбивные с овощами, Розмари показалось, что он слишком уж приторный. Однако Ги похвалил пирог и даже попросил добавки. Но, может быть, он только играл очередную роль, подумала Розмари, отвечая комплиментом на комплимент.

После ужина Розмари вызвалась помочь с посудой. Миссис Кастивет сразу же приняла предложение, и женщины занялись уборкой стола, а Ги и мистер Кастивет прошли в гостиную.

Кухня, начинавшаяся сразу за холлом, была маленькая и казалась еще меньше из-за оранжереи, о которой говорила Терри. Растения располагались на большом белом столе длиной фута в три, который стоял возле единственного окна. Над столом склонились лампы, освещавшие стекла парника, отчего они казались не прозрачными, а какими-то белесыми. В оставшемся пространстве близко друг к другу стояли мойка, плита, холодильник, и над всем этим под самым потолком

были прибиты какие-то бесконечные ящики. Розмари вытирала посуду, стоя рядом с миссис Кастивет, и с удовольствием думала, что ее кухня гораздо больше и куда лучше обставлена.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

День труда – официальный праздник, отмечаемый в США и Канаде в первый понедельник сентября. – Здесь и далее примеч. переводчика.

2

Скрэббл – игра, смысл которой заключается в составлении максимального количества слов из ограниченного набора букв. Ее полным аналогом является игра «Эрудит».

Купить: <https://telnovel.com/ru/ayra-levin/rebenok-rozmari>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)